

Казанская

Правда

Социокод номадов: два новых крупных издания о традициях и ремеслах казахов вышли в свет

Презентация сразу двух изданий – «Этнографического атласа казахского орнамента» и «Казахи – искусство номадов», представляющих собой энциклопедию народного творчества и своего рода историко-культурный социокод, прошла в Государственном музее искусств им. А. Кастеева.

Убеждая цитатой и притчей

В отзыве на «Этнографический атлас...» российские ученые Лариса Попова из Этнографического музея и Инга Стасевич из Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого подчеркнули, что труд автора – художника-графика Ералы Оспанулы – новаторский, он написал энциклопедию казахского орнамента в его исторической динамике и многообразных связях с культурой всего тюркского мира: «Казалось бы, что такая работа под силу лишь творческому коллективу, состоящему из специалистов разного профиля. Поразительно, но автор, как поистине ренессансная личность, сумел соединить их в себе...».

Перед читателем художник, действительно, предстал как искусствовед, этнограф, историк, культуролог, философ и лингвист. Думается, что, помимо таланта и колоссального трудолюбия, его питала любовь к наследию родной земли и феномену народного искусства в целом. Автор продемонстрировал и писательский талант, ведя читателя от одного интересного факта к другому, убеждая научной цитатой и народной притчей, фокусируя внимание на ярких феноменах и предлагая свои оригинальные выводы.

Занимательно описана творческая лаборатория народных резчиков и вышивальщиц, кузнецов и ткачих, шорников и валяльщиц войлока.

Вдохновляемые тысячелетними традициями, они создали шедевры орнаментального искусства, некоторые из которых, попав в музейные собрания, бережно сохраняются как часть мировой культуры.

Өнер құны за талантливого скакуна

Ералы Оспанулы утверждает, что лучшим примером того, насколько высоко казахи ценили культуру и искусство, может служить статья «Өнер құны», включенная в свод уложений «Жеті жарғы» (законодательство ханского периода XV–XIX веков). Она предусматривала особую компенсацию за нанесение увечья или убийство человека, чей талант получил всенародное признание. Из дошедших до наших дней уложений «Жеті жарғы» сүйек құны

(насильственная смерть рядового казаха) оценивалась в 100 лошадей или 1 000 овец. А в случае лишения жизни талантливого человека виновник обязан был выплатить сверх обязательного сүйек құны еще и өнер құны.

Сохранилась история XVII века о жестоком сыне одного из тогдашних султанов. Тот выкрал дочь простого казаха, славившуюся даром поэтессы, и взбешенный непокорностью девушки, убил ее. Отец насильника – правитель Али – был принужден решением суда народных биев выплатить сразу сүйек құны и өнер құны.

Примечательно, что казахи соблюдали даже права особенных животных. Одно из преданий повествует о хане Есиме (годы правления 1598–1628), у которого угнали знаменитого скакуна. Конь пал в руках конокрада, и тогда суд биев и старейшин обязал вора выплатить, помимо стоимости животного, еще өнер құны.

Шыбын, қарға и түйетабан ою

Новые издания интересны и тем, что автор впервые представил в них максимально полный перечень названий орнаментальных элементов (более 1 тыс.) и таблицы с названиями тех узоров, которые ему удалось идентифицировать. Отдельные главы художник посвятил истории рождения орнамента и их смысловому значению. При этом внимание

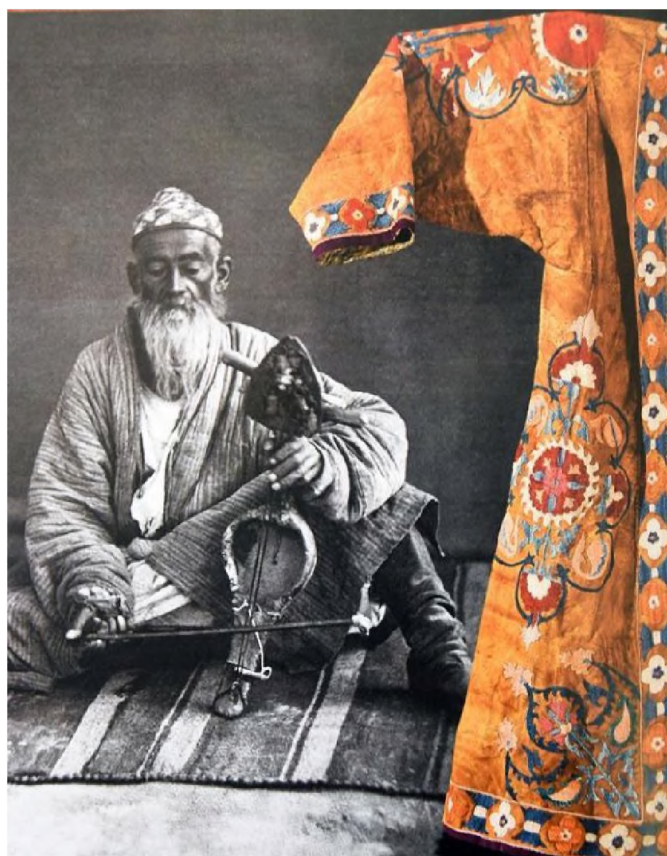
уделил орнаментальным группам, получившим названия по способам их создания или техническим особенностям, например, серебрения.

Так, одно из удивительных изменений названия узора можно наблюдать на примере простой зигзагообразной линии: если зигзаг наносили на светлый фон, то узор называли ирек (зигзаг). Если же зигзаг помещали внутрь, к примеру, темного, вытянутого прямоугольника, то он превращался в талқы (кожемялка).

Интересна информация об узоре в форме латинской S, которая перешла в казахский орнамент со времен ранних кочевников – скифо-саков. Об узоре S, или атбас, в начале XX века упоминал этнограф Самуил Дудин и считал его вторым по популярности после бараньего рога.

Одним из ярких подтверждений умения казахов мастерски пользоваться орнаментом, по мнению Ералы Оспанулы, являются... игральные карты. В Казахскую степь игра пришла через контакты с русскими, и если последние частично переняли французские названия карт, то у казахов бубны превратились в қиық (ромб), черви стали табан (пятка верблюда, сокращенно от түйетабан ою), трефы – шыбын (муха), пики – қарға (ворона)...

Изучение передачи информации посредством узоров представляется чрезвычайно интересным. Конечно, это нельзя отнести к пиктографическому письму, так как орнаментальная вышивка была связана в основном с каким-либо событием, к примеру, замужеством.

Так, выйдя замуж, девушка спустя некоторое время передавала родным вышитое изделие. По узорам родители узнавали, как сложилась судьба дочери: если она вышивала узор қошқармүйіз (бараний рог), значит, с нею не считаются и обижают. Құсмұрын (птичий клюв), напротив, сообщал, что невесту в семье мужа встретили, как родную.

Говоря об орнаменте, Ералы Оспанулы обращает внимание и на фрески, которыми еще до прихода ислама были украшены

стены и своды некоторых мавзолеев в Казахстане. К ним он относит роспись воина и коня, выполненную клеевыми красками на большой надгробной плите в одном из мавзолеев в районе Жезказгана. Сюжеты фресок воссоздают военные походы, сцены охоты, перекочевок и быта. Согласно научным данным, подобные росписи были характерны для огузов и кыпчаков. По мнению автора, они в первую очередь интересны орнаментальными узорами, отражающими пережитки древних верований.

Глубокой связи казахских народных узоров с орнаментами саков и гуннов, древних тюрков и кыпчаков, а также народов, имеющих общие корни с казахами, – узбеков, киргизов, каракалпаков, ногайцев, туркмен, посвящены отдельные страницы. К примеру, автор сообщает, что в прошлом было широко распространено плетение из тростника, ивы и ветвей других деревьев. Причем плели не только бытовые вещи, но даже строения в форме юрты.

«Учитывая все это, думается, что у казахов были и названия способов плетения, которые, к сожалению, ныне забыты, кроме мотива таңдай (нёбо)», – пишет исследователь.

Шерсть белой и черной овцы

Древнейшими казахскими узорами Ералы Оспанулы называет орнаменты төбе (холм) и тоғыз төбе (девять холмов), которые бытовали у ранних кочевников. Автор объясняет это тем, что в старину казахи воспринимали жизнь, как восхождение на высокий холм и затем благополучный спуск с него. Как отголосок этого представления, сохранилась казахская поговорка «Төбем көкке жеткендей болды» («Словно макушкой коснулся синего неба») и ругательство «Төбеңді көрмегір» («Да чтобы ты не увидел верхушку своего холма»).

Вполне возможно, считает автор, что орнаменты төбе, тоғыз төбе указывают на прямую связь между традицией скифо-саков возводить курганы и более поздним сакральным понятием о холме у тюркских народов.

Геродот в V в. до н. э. писал:

«...тело на соломенных подстилках опускают в могилу, по обеим сторонам втыкают в землю копыя, а сверху настилают доски и покрывают их камышовыми циновками... После этого все вместе насыпают над могилой большой холм. Причем стараются сделать его как можно выше». Со временем традиция курганов канула в Лету, и казахи стали хоронить по мусульманским ритуалам.

Автор приводит не менее любопытные легенды, пословицы, поговорки, предания, связанные с историей орнамента. Вот одна из таких легенд: «Давным-давно у одного ногойского бая была красавица-дочь по имени Салия. Однажды она повстречалась с джигитом Аскером, и между ними вспыхнула любовь. Юноша был бедным и не мог заплатить большой калым, тогда возлюбленные решили бежать. В ночь побега девушка подошла к спящему отцу и, думая, что он не слышит, опустилась на колени и шепотом попросила прощения. Однако отец все слышал, но притворился спящим. Дождавшись, когда дочь вышла из дома, разбудил сыновей и приказал схватить беглецов». Салию в итоге заперли в башне, а Аскера бросили в темницу на погибель.

Когда девушке сообщили о смерти джигита, она попросила принести шерсть белой и черной овцы, соткала белый ковер и на нем черной шерстью слова: «Отец, я не прощу тебя!». После этого бросилась вниз с высокой башни. Бай, потерявший любимую дочь, стал готовить ей достойные похороны. Велел принести сотканный ею ковер, чтобы завернуть тело, но когда люди развернули его, то всех ужаснули ее последние слова...

Считается, что именно после Салии появился среди невест обычай изготавливать к свадьбе белый ковер. Но вместо слов его украшают сине-красным орнаментом.

В жизни все было богаче и ярче

Отдельного разговора заслужил самый старый (из сохранившихся) безворсовый казахский ковер удивительно богатой расцветки. Ковер размером 2х4 метра находится в музее-заповеднике «Хазрет Султан», он соткан из шерстяных нитей.

«Ковер интересен в первую очередь, тем, что он безворсовый, в то время, как другие сохранившиеся образцы сыр кілемі являются ворсовыми, – сообщает автор. – При этом его орнаментальное убранство намного богаче и разнообразнее... Способ, которым соткан ковер, также необычен в сравнении с другими безворсовыми казахскими коврами. Так, обратная сторона, повторяющая узоры, выглядит, как и положено изделию, сотканному гладко и жестко, в то время, как на лицевой стороне – легкая пушистость, что создает иллюзию, будто ковер ворсовый, словно на нем коротко подстриженные концы нитей, как на туркменских коврах».

Еще одной особенностью старого ковра является использование в нем нитей минимум 18 цветов: такая цветовая гамма и придает ему

неописуемую красоту. Об архаичности ковра свидетельствуют и его орнаменты: центральное поле покрыто крупным восьмигранным мотивом-медальоном аттабан (копыто лошади) и ромбовидным шаршыю. Между ними располагаются узоры поменьше типа омыртқа (позвонок), жұлдызша (звездочки), иттабан (собачья лапа). Интересно соткан бордю́р ковра, состоящий из элементов тұмар (треугольный оберег), двойного ряда алақұрт (пестрый червь), қызғалдақ (тюльпан).

Рассказ о старинном ковре автор украсил воспоминаниями из

своего детства. В 1970 году вместе с соседом-аксакалом он ходил в кинотеатр смотреть «Кыз Жибек»: «Мне запомнились слова старика о том, что сцена кочевки в кино выглядела бедно, в то время, как в жизни все было намного богаче и ярче. А еще запомнилась такая деталь: когда кочевал аул, несший траур, то ковровые изделия выворачивались обратной стороной, отчего те же текеметы (узорчатые войлочные ковры) смотрелись просто черными или темно-коричневыми, то есть выглядели угнетающе».

Фамильная драгоценность

Снимки, опубликованные в новых изданиях, имеют историческую ценность, как, к примеру, снимки фотографа Константина де Лазари (1869–1930). Автор приводит слова фотографа о том, что тот использовал «служебное положение, давшее мне возможность довольно хорошо изучить быт киргизов благодаря тому, что летние месяцы я

провожу в степи и живу почти тою же жизнью и при той же обстановке, как и киргизы».

В связи с ошибочным названием казахов киргизами Ералы Оспанулы привел слова ученого-натуралиста Егора Мейендорфа из его монографии «Путешествие из Оренбурга в Бухарию», изданной в 1826 году: «... они не называют себя киргизами, а именуют казаками, что означает «всадник» – по мнению одних, «воин» – по мнению других».

Вслед за Мейендорфом востоковед, тюрколог Василий Радлов в 1870 году писал: «Широкая степь от западного Алтая до реки Урал, от Омска до северных окраин Зерафшанской долины населена членами... одного и того же народа, который сам называет себя «казак» и которому русские и западные народы дали ошибочное название «киргизов» или даже «киргиз-кайсаков».

В другом письме де Лазари на имя главного хранителя российского Музея антропологии и этнографии сообщал, что он выслал фотографии, в том числе казахской девушки из Семиречья в национальном свадебном наряде. А вот желающих передать музею саукеле (свадебный головной убор невесты) не нашел. Думается, объяснить это можно тем, что в старину саукеле передавали из поколения в поколение как фамильную драгоценность. Саукелеобразные головные уборы, которые почитались священными, археологи находили в ранних средневековых погребениях. Они отличались сложностью и, судя по всему, были дорогими изделиями.

Важно, что Ералы Оспанулы часть информации собирал в полевых экспедициях – у знатоков традиций и ремесел патриархов. Благодаря его труду эрудиты усвоят новые исторические факты, народные мастера вдохновятся дизайном старинных вещей, а почитатели народного искусства наслаются великолепно подобранными иллюстрациями. И каждый будет благодарен автору за его служение искусству и культуре.

АВТОР:

Раушан Шулембаева